

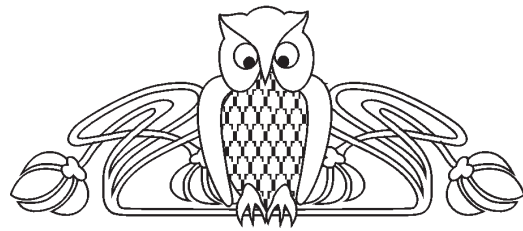

УДК 316.772

ВЛАСТЬ И СТРАТЕГИИ КОММУНИКАЦИИ В МОДЕРНИЗИРУЮЩЕМся ОБЩЕСТВЕ: РИСКОГЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

С. А. Данилов

Саратовский государственный университет
E-mail: danilovsa@info.sgu.ru

В статье анализируются коммуникационные стратегии власти в условиях модернизации общества. Коммуникация – основа модернизационного процесса, и следует говорить о директивных и консенсусных моделях в условиях нарастающей рискогенности изменений.

Ключевые слова: модернизация, стратегии коммуникации, власть, риски.

Power and Communication Strategy in a Modernizing Society: in Conditions of Risks

S. A. Danilov

The article analyzes the communication strategies of the authorities in the conditions of modernization of the society. Communication is the base of modernization. We should speak about decision-making and consensus models in the conditions of growing riskogenicity changes.

Key words: modernization, strategy of communication, authorities, risks.

Процессы модернизации, которые лежат в основании социальных изменений, определяются властными и коммуникационными началами. Импульсы модернизации генерируются политическими элитами, отдельными лидерами, включают в орбиту изменений участников социального процесса. Ресурсы власти становятся ресурсами модернизационных трансформаций. Таким образом, власть определяется в качестве генерального социального института, определяющего социальные отношения, изменения, и с помощью таких ресурсов, как авторитет, насилие, идеология, право конструирует отношения управления, интегрирующие подчинение, влияние, убеждение.

Среди различных типологий и классификаций власти выделим атрибутивно-субстанциальный и реляционный¹. Если атрибутивно-субстанциальные концепции трактуют власть как атрибут либо как самодостаточный «предмет» или «вещь», то реляционные подходы – Д. Ронга, постструктуралистский – М. Фуко, коммуникативный – Ю. Хабермаса определяют власть как социальное отношение на различных коммуникативных уровнях. Н. Луман понимает власть как «символически генерализованное коммуникативное средство»², редуцирующее

«комплексности» (неограниченное число возможностей) к ограниченному набору возможных действий партнера по коммуникации. Коммуникация стала ключевой категорией, раскрывающей смысл власти в пространстве современного постмодернистского дискурса (Ж. Деррида, Ю. Кристева, Ж.-Ф. Лиотар и др.)

Власть выступает как механизм общения, она формируется и реализуется в пространстве коммуникативного взаимодействия. Можно утверждать, что власть, понимаемая, например, как власть государственная, формирует в обществе социально-политический порядок, выступающий, прежде всего, как коммуникативный порядок. В политическом пространстве коммуникация приобретает не только операционно-функциональный, идеологический, но и онтологический статусы. Ее основу составляют медийные, коммуникативные коды власти. В качестве кодов власти выступают мифы, архетипы, символы, социальные стереотипы; к медийным кодам относятся те феномены, которые выполняют функцию кода власти и средств политической коммуникации, «генерализованных средств коммуникации»: авторитет, доверие, престиж. При отсутствии генерализованного кода публичной власти легитимация власти в пространстве политической коммуникации в сложноорганизованном обществе окажется проблематичной и рискогенной одновременно. Другими словами, от качества коммуникативно-символического производства зависит эффективность политических решений, в том числе модернизационных. В процессе реализации коммуникационных стратегий проявляется субъективное восприятие и оценивание политики, задействуются оценочные средства духовного мира личности. Действия власти должны быть приняты на личностном уровне, это является залогом ее легитимности.

Политическое пространство рассматривается с позиций противоречивости его содержания, где личные приоритеты коррелируют с нормативно-ценностными системами политических субъектов (партий, движений, групп, кланов и др.), взаимодействует консенсусная и конфликтная ситуативность, выстраиваются взаимоотношения за право обладать жизненными ресурсами общества

и государства. В данном контексте главное значение приобретают информационные, коммуникативные аспекты, позволяющие акцентировать внимание на сфере взаимодействия политических субъектов. Это актуально проявляется в условиях современного общества, коммуникативная природа которого определяет построение локальной и глобальной дискурсивной политики. Циркуляция политической информации, определяющая взаимодействие всех составляющих политического пространства – индивидов и политических групп, власти и общества, межсубъектных отношений, зависит как от уровня развития системы массовой коммуникации, так и от состояния самого политического пространства. Политика, понимаемая через призму коммуникации, предстает «как особый тип общения и контактных связей, возникающих в специализированной деятельности человека политического»³. В условиях современного глобализирующегося общества, в котором существуют факторы рискогенности, выстраивание властью стратегий коммуникации является генеральной задачей и функцией. Модернизация – это разговор по поводу модернизации, требующий соучастия и взаимного интереса участников. Принятие или отрицание модернизации на уровне сознания как личности в отдельности, так и в формате группового сознания предполагает в качестве первичного акта интерпретацию, которая согласно А. Ахиезеру выступает в качестве «инструмента интеграции»⁴.

Природа самого коммуникативного действия имеет ценностный характер, модернизация же – процесс, в котором социальные субъекты ориентированы на новые ценности, и именно коммуникация открывает модернизирующемуся обществу представление о новых образах и стилях жизни. Выделенные нами характеристики модернизации акцентируют внимание, во-первых, на социокультурной составляющей модернизации, вне которой изменения невозможны. Участники процесса модернизации – социальные группы – носители разнообразных социокультурных ценностей, традиций. Социокультурное измерение невозможно вне коммуникационных механизмов, суть которых в общении и обмене ключевыми ценностями (Ю. Хабермас). Во-вторых, модернизация – процесс, интегрирующий различные части социальной системы, консолидирующий социальные силы – агентов, противников, наблюдателей. Учитывая фрагментарность и поливариативность современного общества, актуализируются проблемы достижения договоренностей, согласования многообразных социальных интересов по поводу единой генеральной цели – модернизационного успеха. В-третьих, власть в лице государства представляет собой ядро политической системы и одновременно «центр управления модернизацией» (особенно

в России), который определяет стратегию и корректирует модернизационные усилия общества. Можно говорить о взаимодействии ценностной природы коммуникативного действия, политики и модернизации. В-четвертых, модернизация предполагает политическую модернизацию, в ходе которой развивается политическое многообразие, формируются новые институты, с которыми необходимо выстраивать коммуникационное взаимодействие, интегрируя их в пространство широко понимаемого социального общения.

Модернизирующееся общество характеризуется ростом неопределенности, нестабильностью состояния. Агенты социального пространства, осознающие себя в качестве сил, мотивированных модернизацией, усиливают социальную динамику, стараясь воспользоваться предпочтениями самого процесса, обрести более выгодные социальные позиции. Данное состояние обнаруживает амбивалентную природу института государственной власти и его противоречивые проявления, например, государство, нацеленное на сохранение существующего порядка, выступает источником и агентом изменений; являясь главным «минимизатором» социального риска, оно инициирует рискогенные процессы, что приводит к изменению диспозиций участников социального процесса.

В таких условиях решающую роль играют коммуникационные стратегии, выстраиваемые институтом власти. Коммуникационная стратегия – реализация концептуально-теоретического элемента мировоззрения в технологиях социального взаимодействия. Конструирование стратегий коммуникации является целерациональным процессом, который в нашем случае генерируется или координируется властным институтом. Мы исходим из идеи управляемости модернизационного процесса, задействующей различные ресурсы: ценности, социокультурные традиции, нормы. Миссией коммуникационных стратегий как инструмента модернизации выступает не просто создание благоприятной легитимной среды, санкционирующей социальное действие, но формирования значимости и ценности модернизации как ключевого процесса совершенствования жизни. Модернизация, освоенная внутренним духовным миром индивида, становится осмысленным процессом, личность понимает нужность, важность и неизбежность социальных преобразований. Важную роль здесь играет государство – «центр управления изменениями», а коммуникация выступает ключевым «инструментом модернизации».

Рассмотрим директивную и консенсусную модели коммуникации. *Директивная* предполагает внедоговорную основу, когда инициативы модернизации конструируются и реализуются властью. Ключевым институтом, принимаю-

щим модернизационные решения, выступает государство, которое директивно формулирует идеи и пути их воплощения, настойчиво и безапелляционно включая социальных, политических субъектов в политику преобразований. Для такого типа коммуникационного взаимодействия свойственен выбор генеральной линии, «вертикальный» характер мобилизации ресурсов. Такая модель успешна в гомогенных средах. Данная стратегия не предполагает общественной дискуссии, институты вовлекаются в процесс, подчиняясь логике власти, отсутствуют мотивация и понимание модернизационных преимуществ. Директивная модель характеризуется локализацией во времени и тотальным расширением пространства, где осуществляется модернизация. Модернизационный процесс носит «догоняющий» характер, где призыв власти к «гонке модернизации» является монологом при отсутствии возможности говорить другим субъектам, а если последние и будут говорить, то их не будут слушать. Очевидны рискогенные профили: ограниченность во времени, большой объем задач, широкое пространство трансформаций поддерживается, с одной стороны, силовыми методами, имеющими репрессивный характер и санкции, а с другой – мощной идеологией, транслируемой государственной пропагандистской машиной с включением образа «внешнего врага», задач исторического лидерства. Человек здесь выступает не активным участником модернизации, а является, применив слова американского политолога Р. Даля, «аполитичной глиной, из которой политики что-то лепят». При реализации такой стратегии духовные ресурсы участников модернизации не являются капиталом, который эффективно используется, а в лучшем случае – ценностным фоном, на котором разворачиваются образы и идеалы прошлого.

Институт государства формирует пространство изменений, где доминируют вертикальные связи, позволяющие объективно в критических условиях реализовать соответствующие задачи. В рамках такой «вертикализации» можно говорить об институциональном отборе, когда акцент делается на ключевом институте, выступающем генератором глобальных изменений. Так, для России, по словам академика Ю. С. Пивоварова, системные изменения, в том числе модернизационного характера, начинались с реформы института армии, впоследствии определяющей историческую эпоху: при Иване III создается мобильная дворянская конница, или дворянское сословие, морской флот и армия – цель Петра I и др.

Задача консенсусной стратегии – обеспечение эффективной коммуникации между различными сегментами социально-политического пространства через систему мотивации участников. Участник модернизационного процесса должен стать

агентом модернизации, не только проводником идей, но и генератором действия. Результатом выступает конвенция, договор, воплощающий модернизационные решения на основе понимания участниками выгод и рисков. Пространство коммуникации является пространством формирования договоренностей, а консенсус становится главным идеологическим продуктом модернизации. Действия власти направлены на мотивирование субъектов модернизации, и такое отношение базируется на понимании социокультурных оснований, традиций, духовного опыта – вовлекаемого в процесс участника – малой социальной группы, нации. В этом случае власть слушает и слышит социального субъекта. Консенсусная модель предполагает реализацию диалоговой модели, обратную связь, обсуждение хода модернизационного процесса, контроль качества модернизационных эффектов. Один из ключевых принципов, способных воплотиться в рамках данной стратегии, – публичный контроль, в который включены различные участники модернизации, ключевую роль здесь играют институты гражданского общества. Пространство консенсусной модели структурируется горизонтальными связями, где присутствует не только генеральная линия модернизации, инициированная элитой, а действуют, в том числе на принципах самоорганизации, другие участники, мотивированные изменениями, они включаются в процесс, трансформируя свой статус из объекта в активного субъекта трансформаций. Участники обладают правом, а главное – возможностями предлагать свои решения и выстраивать на их основе стратегии поведения. Такая модель является эффективной и целесообразной в условиях многонационального полисубъектного общества. Так, федеративное устройство нашей страны, уникальная история, культура, национальные традиции различных народов, наций, этносов должны, в первую очередь, учитываться при определении тактических рисунков модернизации.

Мы выделяем два ключевых эффекта реализации консенсусных коммуникационных стратегий в условиях модернизации. Это самоорганизация и доверие, формирующие горизонтальную и вертикальную ось коммуникационного пространства модернизации. Тема доверия представлена в творчестве Э. Гидденса, который говорит о нем как об основе принятия решения⁵. Отсутствие доверия может привести к деструктивным последствиям для социальной системы: нарушается социальное взаимодействие, нарастает рискогенность (а Э. Гидденс напрямую увязывает риск и доверие), возрастает неопределенность. Формированию доверия к власти как институту, гарантирующему эффективную модернизацию, угрожает риск утраты взаимопонимания. Доверие выступает одним из генеральных духовных

ресурсов модернизации, чей публичный дискурс ориентирован на достижение поддержки, сокращение дистанции доверия, преодоление барьеров в понимании. Доверие неотделимо от ответственности, которая должна усиливаться со стороны власти как модератора модернизации. Доверие – ответственность – классическая конструкция, которая проявляется с особой актуальностью во время социальных изменений.

Самоорганизация агентов модернизации невозможна без коммуникации, в сущности, социальная самоорганизация есть коммуникация, взаимодействие. Эффективная коммуникация должна формировать стремление к эффектам самоорганизации и социальной консолидации, когда субъекты осознают значимость и ценность модернизационных преобразований, выстраивают стратегии на основе диалога и консенсуса. Эффективные коммуникации определяют самосознание и самопонимание, позволяющие социальным группам артикулировать свои потребности и намерения, через реализацию демократических процедур приобрести опыт согласования «модернизационного интереса». Модернизация через коммуникацию формирует возможности функционировать в пространстве изменений.

Стратегии, обозначенные выше, позволяющие говорить не просто о коммуникациях, а о риск-коммуникациях. Современное модернизирующееся общество находится в измененном состоянии, открыто новациям, в нем процессы коммуникации являются амбивалентными процессами. С одной стороны, коммуникация открывает общество изменениям через трансляцию образцов лучшей жизни, успешного и комфортного будущего, создает основу для устойчивого развития через вариативность, генерирующуюся диалогичностью, а с другой стороны – импортирует риски, которые, будучи подкреплены коммуникационным основанием, представляют собой значительно усложненный объект управления и минимизации. Таким образом, коммуникация модернизирующегося социума – риск-коммуникация, снижающая и усиливающая одновременно неопределенность, нестабильность, непредсказуемость. Интересна позиция А. Л. Стризов, определяющего связь коммуникативных рисков власти «со способностью предотвращать и урегулировать разного рода социальные конфликты формированием широкого социального консенсуса, выбором оптимального режима коммуникации»⁶.

Реализация коммуникационных стратегий в условиях модернизации влечет за собой развитие рисков, представляющих угрозу обществу. Как отмечалось выше, однонаправленность коммуникационных импульсов, раскрывающаяся в директивной модели, не способна сформировать пространство согласования действий субъектов модернизации. Общество не видит смысла в

модернизации потому, что до него, до каждого его члена не доводят информацию о ее преимуществах. Как правило, это происходит и потому, что власть в лице государства не обладает четким планом, стратегией модернизационного развития. Такое игнорирование социального интереса не только не создаст социальную базу модернизации, но и делает усилия самой власти провальными даже в условиях избранной ею директивной модели.

Выстраивание стратегий коммуникации предполагает активное использование ресурсов интернет-среды. Коммуникация современного мира интенсифицируется прежде всего с помощью интернет-факторов. Социальные сети способны выступать виртуальной площадкой общения по поводу ключевых проблем модернизирующегося общества. Речь также может идти о развитии блогосферы, пропагандирующей ценности и преимущества модернизации. Лидеры сетевого сообщества могут стать агентами модернизационных изменений. Интернет лоялен к различным формам атрибутирования модернизационного интереса.

Коммуникативное пространство, которое должно быть сформировано, если мы рассчитываем на успех модернизации, представлено различными версиями, конформистскими или оппозиционными, но проясняющими суть модернизации для конкретного общества. Важнейшую роль в этом процессе играет экспертное сообщество, чей дискурс является определяющим в диалоге. Экспертный дискурс – особый модус дискурсивности. Фундаментальная роль экспертного сообщества отмечается классиками науки – У. Бэком, Э. Гидденсом. Эксперт представляет собой лидера эпохи, соединяя в себе следующие возможности: его знание сциентизировано – он представитель, как правило, академических сред, имеющий практический опыт, его массмедийный профиль определяется его востребованностью СМИ. Экспертотократия – власть экспертов – выступает, прежде всего, как медийная экспертотократия, дискурс этого сообщества может и должен формировать поле конструктивной коммуникативности по поводу преимуществ модернизации. В то же время очевиден риск реализации их манипулятивных способностей. В условиях модернизирующегося социума особый акцент должен быть сделан на открытом, публичном диалоге по поводу ключевых тем модернизации с вовлечением максимального числа участников, готовых принять участие в общественной дискуссии.

Публикация подготовлена в рамках проекта «Риски и сценарии модернизационного транзита в институциональном измерении российских регионов» при поддержке гранта Президента РФ (№ МК-400.2011.6).

Примечания

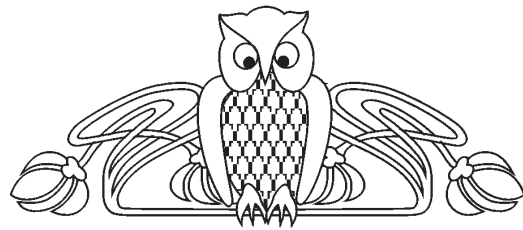
- 1 См.: Дегтярёв А. А. Политическая власть как регулятивный механизм социального общения // Полис. 1996. № 3. С. 109.
- 2 Луман Н. Власть / пер. с нем. А. Антоновского. М., 2001. С. 25.
- 3 Кравченко В. И. Власть и коммуникация : проблемы взаимодействия в информационном обществе. СПб., 2003. С.109.
- 4 Ахиезер А. Россия : критика исторического опыта. Новосибирск, 1998. С. 210.
- 5 См.: Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge, 1990. P. 200.
- 6 Стризое А. Л. Власть риска и риски власти // Власть. 2012. № 3. С.19.

УДК 001:1+7:1

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР СОЗНАНИЯ В АСПЕКТЕ ТВОРЧЕСТВА

В. М. Дармограй

Саратовский государственный университет
E-mail: ekaterinadar@mail.ru

В статье рассматривается проблема сущностных характеристик сознания, вне понимания которого невозможно осмыслить условия и предпосылки, способствующие творчеству. Показано, что сознание можно представить только в контексте потенциала, возможности или готовности к реализации, а сама реализация или активность сознания является уже новым качественным состоянием, которое определяется как мышление, поэтому сознание можно обозначить только посредством символа.

Ключевые слова: сознание, возможность, вероятность, действительность, свобода, «фокус» сознания, аксиологическая и смысловая матрица.

Symbolic Nature of Consciousness in the Aspect of Creativity

V. M. Darmogray

The article deals with the problem of the essential characteristics of consciousness. It is impossible to comprehend the premise of creativity without understanding that. Consciousness can be represented only in the context of potential. The activity of consciousness is a new qualitative state of mind which is defined as thinking. As a result, consciousness can be defined only by the symbol.

Key words: consciousness, possibility, probability, reality, freedom, the focus of consciousness, axiological and semantic matrix.

Предельно общая и относительно простая схема (или модель) творчества может быть представлена как хаос–порядок, где хаос метафорически символизирует сам процесс творчества, его таинство, непостижимость, проблемность. Творческий процесс связан с сознанием, мышлением, условной единицей измерения или описания которых может быть хронотоп, где хронос символизирует временные параметры творческого процесса, а топос – пространственные. Однако подобные рассуждения предполагают обоснова-

ние сущности сознания или точки зрения автора относительно определения сознания, иначе все выводы по поводу творчества как бы повиснут в пустоте. Мы считаем, что понимание сознания как некоего объекта, подлежащего исследованию, не имеет под собой никаких оснований, так как сознание есть временная (длящаяся) форма субъективного характера, которую в принципе невозможно абстрагировать от содержания, на которое направлено сознание. Эта направленность есть интенциональность, «высвечивающая» объект (предмет) исследования. Отсюда несостоятельны концепции сознания, сводящие этот феномен только к состоянию психической жизни индивида, хотя, безусловно, сознание связано с психикой, как и с субстратной основой, т. е. с мозгом. Но сводить сознание только к условиям, к предпосылкам несостоятельно. Активная субъективная форма как психическое состояние предполагает еще и нейродинамический уровень и далее – квантовый (процесс мышления как целесообразная селекция квантовых альтернатив – Е. И. Иванов).

Продолжать подобную редукцию можно до бесконечности, а вот процессы, связанные со становлением и развитием субъективной формы или с субъективным переживанием – осмыслением событий как внешнего, так и внутреннего мира без акцентирования на содержании, которое может касаться природы, культуры, своего отношения к этим объектам, включая и состояния субъективного характера (познавательные, аксиологические, эвристические и другие), – заслуживают внимания, так как речь идёт об универсальной форме субъективного характера, которая, существуя потенциально, активизируется по мере становления интенциональности. Безусловно, поста-